

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

УДК 330.8

М. БАЛТОВСКИ,
*профессор, завкафедрой теории и истории экономики
экономического факультета Университета Марии Склодовской-Кюри
(Люблин, Польша)*

ЭВОЛЮЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ И НОВЫЙ ПРАГМАТИЗМ ГЖЕГОЖА В. КОЛОДКО

Изложен новаторский взгляд Гжегожа В. Колодко на экономическую науку и ее современные цели. Проанализированы ключевые элементы концепции Нового Прагматизма и сделан вывод, что она отвечает актуальным потребностям меняющегося мира и вписывается в логику развития экономической науки начиная с А. Смита.

Ключевые слова: цели экономической науки, экономические системы, позитивная экономика, нормативная экономика, Новый Прагматизм.

М. BALTOWSKI,
*Professor, Head of the Chair of Theory and History of Economics,
Faculty of Economy, Maria Curie-Sklodowska University
(Lublin, Poland)*

EVOLUTION OF THE ECONOMIC SCIENCE AND A NEW PRAGMATISM BY GRZEGORZ W. KOLODKO

The innovative look of Grzegorz W. Kolodko at the economic science and its modern purposes is presented. The key elements of the New Pragmatism conception are analyzed, and it is concluded that this conception corresponds to actual needs of the varying world and is inscribed in the logic of development of the economic science, by starting from A. Smith.

Keywords: goals of the economic science, economic systems, positive economy, normative economy, New Pragmatism.

Вступительные замечания

В своих последних работах Гжегож В. Колодко поднимает ключевые для экономической науки проблемы и инспирирует рефлексии, выходящие за обозначенные в них границы [1; 2; 3; 4]. Он ставит высокую цель — в рамках Нового Прагматизма рассматривает вопросы и пытается дать ответы не только о роли, месте и возможностях современной экономики, но и о современном и будущем устройствах общественно-хозяйственного мира. Тогда как другие экономисты преимущественно движутся в традиционном поле экономической науки, Колодко этого поля сознательно избегает и расширяет его настолько, что "старая" экономика кажется лишь фрагментом Нового Прагматизма.

Собственно, выход за пределы досегодняшних пространств и познавательных ограничений экономической науки выразительно проявляется во всех научных исследованиях Гжегожа В. Колодко за последние годы *. Анализ экономики в ее исто-

Балтовски Мацей (Baltowski Matsei) — e-mail: maciej.baltowski@umcs.lublin.pl.

* Имеются в виду работы Гжегожа В. Колодко [1; 2; 3].

рическом развитии ясно показывает, что в прошлом такой “переход границ” всегда был уместным и, как правило, результативным. Можно сказать, что, согласно концепции Т. Куна, экономика, как и каждая наука, развивалась именно путем создания новых исследовательских парадигм и выхода за пределы своих пространств, схем и познавательных методов, существовавших ранее.

В работах Колодко наибольший интерес и важность представляют новаторские взгляды на экономику и ее современные цели. Концепция Нового Прагматизма, удаленная от экономики мейнстрима, отвечает актуальным потребностям меняющегося мира, а в то же время, по моему мнению, глубоко погружена в познавательное течение экономики, уходящее корнями в работы А. Смита. **Целью этой статьи** является попытка обосновать указанные утверждения, что, в свою очередь, обеспечит соответствующую перспективу для того, чтобы подвергнуть Новый Прагматизм критическому анализу.

1. Цели экономики и особые признаки предмета исследований

Вопросы типа “почему существует экономика?” и “что является целью исследований, проводимых в ее рамках?” ставились неоднократно — имплицитно или эксплицитно — самыми выдающимися представителями этой науки с начала ее существования. Они представляются банальными, ведь, как и в каждой науке, цель экономики заключается в познании, понимании реальности, расширении существующих знаний, которые достаточно и в полной мере легитимируют возникновение и проведение научных исследований. Однако в случае экономики все не так однозначно. С начала ее возникновения существует принципиальный методологический спор по поводу именно этого вопроса. Значительная часть экономистов и экономических школ, связанных с неоклассической экономикой (а также “чистой экономикой”, экономикой “главного течения”), считают, что цель экономики сводится к утверждению ее универсальности, к открытию взаимной зависимости и соотношения между элементами хозяйственной системы, к оперированию всего лишь установленными фактами. Такой подход определяется, как правило, как позитивная (описательная) экономика и прекрасно отражает известную формулировку Л. Робинса, по мнению которого, экономика — это наука, изучающая человеческое поведение как отношение между целями и ограниченными средствами альтернативного применения. В этой трактовке реализация познавательной цели — это ответ на вопрос “как есть?”, углубленный объяснением причинного типа: “почему есть так, как есть?”.

Между тем есть экономические школы и экономисты, которые трактуют познавательные цели и смысл науки “экономика” шире, вводя в анализ разного рода оценочные суждения, стирающие границы между экономикой и хозяйственной политикой. Представители так называемой “нормативной трактовки” исследуют хозяйственную реальность не только в категориях “правда — неправда” как позитивные экономисты, но и в категориях “хороший — плохой” (или “лучший — худший”). Проблема разграничения позитивной и нормативной трактовок — это также проблема эпистемологического статуса каждой из них, которая уже 200 лет волнует самые выдающиеся экономические светила и остается без окончательного решения. Очевидно, что это одна из наиболее многочисленных в истории науки искусственно поставленных проблем, многолетние дебаты по которой не носят кумулятивного характера [5, ч. 5] *.

* Некоторые авторы отрицают уместность деления экономики на позитивную и негативную, главным образом, потому, что ключевая категория, различающая обе трактовки (то есть оценочное суждение), не однозначна. Другой методологический статус имеют так называемые “рекомендательные и оценивающие суждения”.

По моему мнению, специфические и имманентные признаки хозяйственной реальности *, а также собственно предмет исследований экономики являются источниками убедительных аргументов в пользу того, чтобы отойти от деления экономики на позитивную и нормативную в традиционном понимании. Эти признаки свидетельствуют об особом онтологическом статусе экономики по сравнению с другими общественными эмпирическими науками — такими, как социология или политология. Речь идет о таких двух особых признаках хозяйственных систем:

- а) разнородность и изменчивость;
- б) телеологический характер.

а) Предметом исследований экономики (макроэкономики) в реальности является не какая-то загадочная "экономика", как имплицитно отмечают экономисты, а ряд конкретных, довольно особенных, хозяйственных систем **, выделенных из хозяйственной целостности через, по меньшей мере, три критерия — четкий барьер, денежную единицу и хозяйственное право. Эти системы, рассматриваемые одинаково как в географическом, так и в историческом разрезах, являются глубоко дифференцированными: они могут иметь разное внутреннее строение, разные принципы функционирования и разные регулирующие (от рыночных до административных) механизмы. Хозяйственные субъекты, входящие в их состав, могут иметь разные формы собственности и разные структуры стимулов. Кроме того, эти системы непрерывно меняются во времени. Следовательно, изменчивость является их имманентным признаком.

Разнородность и изменчивость хозяйственных систем — предмета исследований экономики, хоть и наблюдаются, однако представляются недооцененными в теоретических трактовках. Гжегож В. Колодко является одним из немногочисленных экономистов, пытающихся придать этому вопросу соответствующее значение. Во вступлении к книге, имеющей подзаголовок "Политическая экономия будущего" (речь идет о книге Гжегожа В. Колодко "Куда идет мир. Политическая экономия будущего" [3]), он пишет: "Материя, которой занимается экономика, ...меняется непрерывно. Экономика должна за этими изменениями следовать. Но, к сожалению, остается позади" [3, s. 14]. А в другом месте он добавляет: "Экономика как наука потому меня и увлекла, что исследуемая ею материя непрерывно меняется. Путешествует. Поэтому имеет — должна иметь — перспективные в долгосрочной перспективе импликации для методологии исследований" [2, s. 46].

Факт глубокой разнородности и изменчивости экономик уже на уровне научного описания порождает принципиальные методологические проблемы ***. Я убежден, что каждая попытка обобщить результаты исследований этого вида дифференцированного бытия, поиск универсальных прав и истин, касающихся их всех в целом и каждого в частности и поднимаемых через описательную экономику, долж-

* Далее в статье я сужаю понятие "экономика" до макроэкономического уровня и трактую его как синоним понятия "хозяйственная система". Я не занимаюсь вопросами экономики и хозяйствования на уровне отдельных рынков, предприятий и домашних хозяйств.

** Несомненно, теперь специфика отдельных хозяйственных систем значительно меньше, чем это было 100 или даже 30 лет назад, но существенна. Больше по поводу причин и последствий унификации современных хозяйственных систем см. [6].

*** Попыткой их решения является применение так называемого "дескриптивного подхода", касающегося экономических исследований в Японии. Опирается он на две важнейшие исследовательские основы: 1) мир хозяйственных явлений уникален и неповторим; 2) предметом экономических исследований может быть лишь конкретное явление в определенных месте и времени. Поскольку в разговорной речи определение "дескриптивный" является синонимом определения "описательный", то в представленной здесь трактовке дескриптивный метод означает описание особого вида, касающегося конкретного, неповторимого экономического явления.

ны завершиться формулировкой очень общих предложений. И это измерение скорее прагматическое, чем экономическое, — оно не облегчает понимание пространственных экономических реальностей. Экономика в значительной степени, несравнимо с любой другой систематизированной сферой знаний, является наукой о конкретном характере*.

б) Несмотря на совокупность исследуемых экономикой хозяйственных систем, у каждой из них обнаруживаются глубокие отличия в самых разнообразных разрезах и параметрах. Хотя отдельные элементы этой совокупности в принципе уникальны и неповторимы, все же каждый из них имеет очень существенный общий признак. Так вот, каждая экономика — как произведение человеческих действий и проявление человеческого поведения — то ли на макроэкономическом уровне (народных хозяйств), то ли на уровне предприятий является бытием телеологическим, целостным, существующим (и функционирующим!) для чего-то**. Люди творят экономику (экономика возникает как результат человеческих взаимодействий) для того, чтобы существовали производство и обмен имуществом. На уровне метациелей можно констатировать: экономика существует для того, чтобы росло благосостояние, улучшалось материальное измерение качества человеческой экзистенции, которая реализовывается через генерацию благ.

Независимо от пространственного и временного дифференцирования процессов хозяйствования и хозяйственных систем, величина, ценность и качество этих благ, которые относятся к затратам, являются ключевыми характеристиками каждого из них. Следовательно, познание и понимание хозяйствования, которые являются задачами описательной экономики, не могут ограничиваться лишь раскрытием принципов ее структуры и связи между ее элементами, а также объяснением правил ее функционирования. Необходимо определить ту ключевую характеристику (то есть связь между затратами и результатами), которая в операционной трактовке может обрести разные виды и степень — эффективности, производительности, действенности или подготовленности.

Дальнейшим естественным этапом в познавательном процессе экономики может и должно быть сравнение отчетов о затратах и результатах в разных исследуемых системах. Это естественный этап, поскольку, в силу телеологического характера хозяйствования, критерий для сравнений в экономике — в противовес другим общественным наукам — чрезвычайно понятен и однозначен. В экономических науках сравнительный метод может иногда заменять эксперимент как источник познания. Гжегож В. Колодко попадает в цель, отмечая, что в рамках экономики “кто сравнивает, тот понимает намного больше. Чем чаще и больше сравнивается, тем шире и глубже поле наблюдения. Кто мудро сравнивает, тот знает” [2, s. 37].

Такого рода сравнения, реализуемые — я повторяю — в рамках познавательного процесса описательной экономики, влекут за собой вывод о том, что хозяйственные системы не равноценны в аксиологическом смысле. Существуют лучшие экономики, более совершенные, производительные, эффективные (то есть те, которые производят относительно больше продукции и благ, в результате чего растет благосостояние) и худшие (которые производят относительно меньше). Такое разде-

* Литература по поводу существования (или несуществования) универсальных прав в экономике очень обширна — начиная с А. Маршалла и заканчивая Т. Седлаком. Из новейших работ см., например [7].

** Я не утверждаю, что предметам исследования других общественных наук (например, общественным системам) нельзя приписать признаки целесообразности. Но для хозяйственных систем, исследуемых в экономике, признак целесообразности является особенно существенным и выразительным.

ление обуславливает оценивание (то есть оценочное суждение) в рамках категорий “лучший — худший” по поводу исследуемой хозяйственной реальности, что в традиционном понимании “де-факто” означает вхождение в пространство нормативной экономики. Следовательно, если экономическая наука способна различать лучшие и худшие виды хозяйствования, то при этом не только стирается традиционная грань между позитивной и нормативной экономикой, но и возникает четкая, очевидная платформа между познавательными и утилитарными целями экономики, которые должны сводиться к научным рекомендациям и установкам в отношении хозяйственной политики, ведущей к лучшему виду хозяйствования.

В упомянутом контексте экономику (макроэкономику) можно трактовать как науку дескриптивно-телеологическую, в которой описательный анализ самых разнообразных уникальных хозяйственных систем натуральным способом связывается с межсистемными сравнениями, вследствие которых возникают оценивание и деление систем на “лучшие” и “худшие”. А это, в свою очередь, дает основания для рекомендаций по хозяйственной политике. Такой подход, базирующийся на категориях хорошей экономики (как желаемого вида хозяйственной системы) и общественного благосостояния (как окончательного эффекта функционирования системы), представляется мне важным для понимания исторического развития экономики, а также — особенно — места и роли, которые экономика занимает и выполняет в настоящее время. Есть и соответствующая, по моему мнению, эпистемологическая перспектива в отношении рецепции и критики Нового Прагматизма Гжегожа В. Колодко.

В последующих разделах статьи я приведу основные постулаты некоторых важных экономических школ по поводу обозначенной темы, а далее, с этой точки зрения, попытаюсь проанализировать определенные аспекты Нового Прагматизма.

2. А. Смит и классическая экономика

Название фундаментальной работы А. Смита 1776 г. (“Исследование о природе и причинах богатства народов”) не было случайным: автор давал понятные и четкие рекомендации, которые, по его мнению, являются предметом и смыслом экономики как науки. Для А. Смита принципиальная познавательная проблема сводилась к поиску ответа на вопросы о том, почему одни страны богатые, а другие — бедные, почему одни экономики обеспечивают государствам силу, а их гражданам — благосостояние (тогда относительное *), а другие приводят к стагнации или откровенной деградации государств и народов. С этой точки зрения, экономика трактуется как телеологическое бытие, а целью экономики является не “чистый” объективный анализ зависимости и достоверности, выступающий в хозяйственной системе, а анализ, ставящий утилитарную цель исследований (причины “богатства”) и отвечающий на вопрос о том, каковы экономические последствия разных зависимостей и принципов в разных хозяйственных системах.

Такого рода анализ влечет за собой выводы о его нормативном характере, поскольку оценочные суждения из него касаются характера и оценок, и рекомендаций. Первые сводятся к утверждению, что есть “лучшие” экономики, обеспечивающие больше богатств, и “худшие” — те, которые обеспечивают их меньше, а экономика как наука умеет их различить. Вторые касаются путей доступа к “лучшей” экономике и сводятся к заявлению, что разные способы и принципы функционирования хозяйственных систем обуславливают разные соотношения затрат и результатов. Итак, чтобы максимизировать эти соотношения, следует применять установленные и про-

* Представляется, что относительность благосостояния (то есть трактовка его в относительных категориях, а не числовых) является устойчивым признаком человеческой цивилизации.

веренные образцы, правила или принципы, “открытые” ранее в процессе анализа “лучших” экономик.

У А. Смита ответы на вопросы относительно хорошей экономики и выводы из проведенных исследований были однозначны. “Отец экономики” не имел сомнений, что, как пишет М. Блауг, рыночная “экономика гарантирует создание лучшего из всех возможных миров” [8, s. 83]. Хозяйственная система, в которой существуют значительная сфера хозяйственной свободы и непринужденная конкуренция, по мнению А. Смита, эффективнее, совершеннее, она творит больше богатств, чем любая другая. А индивидуальная предусмотрительность или даже жадность отдельных участников хозяйственной жизни, благодаря механизму “невидимой руки” рынка, в меньшей или большей степени перекладываются на благополучие всех людей в рамках этой хозяйственной системы (“общественная гармония”).

Тем самым А. Смит, на маргинесе своих принципиальных размышлений, сформулировал положение о наивысшей значимости*: богатство, благосостояние, благополучие каждого гражданина определенной страны в частности и всех ее граждан в целом зависят от того, как построена, на какие принципы опирается и как функционирует экономика. Каковы “правила игры” в сфере экономики – именно такое определение дали бы современные институционалисты. Постулат, который сегодня представляется очевидным, 250 лет назад носил переломный характер и с этого времени стал аксиомой макроэкономического мышления.

Послание, которое и сегодня можно вывести из мысли А. Смита, таково: задачами экономики являются открытие и понимание принципов и способов хозяйствования, а также использования ограниченных запасов. Но этот анализ должен осуществляться сквозь призму четко определенных цели и критерия хозяйствования, то есть эффектов функционирования хозяйственной системы, которые, в конечном счете, направляются на “богатство народов”, или, как мы бы сказали сегодня, на “общественное благосостояние”. Стоит добавить, что у А. Смита основанием для различения хороших и плохих экономик был сугубо экономический показатель – объем потребляемого внутреннего продукта, который формируется в результате не только производства, но и обмена.

Классические экономисты XIX в. в целом приняли взгляды А. Смита на задачи экономики: Т. Мальтус в письме к Д. Рикардо писал, что “причины богатства и нищеты народов – предмет всех интересов политической (по: [9, s. 7]) экономики”. Но в вопросе аналитического метода и, как следствие, в вопросе понимания смысла науки “экономика” они заняли абсолютно противоположную позицию. Поскольку для А. Смита основными научными методами были наблюдение и вдумчивое описание экономики (этим объясняется значение, например, разделения труда или права аккумуляции для экономического развития и для роста “богатства”), то Д. Рикардо “репрезентует выразительный разрыв с методом Смита ... и возврат к методологии очень абстрактных теоретических [10, s. 163] моделей”. Д. Рикардо был экономистом, который, вопреки смитовской традиции, наиболее поспособствовал созданию экономики как дедуктивной науки, принципиальной исследовательской целью которой стало открытие универсальных прав хозяйственной жизни, а не поиск и рекомендация экономических решений, которые бы обусловили формирование “хорошей экономики”.

Н. Сениор и в меньшей степени также Дж.С. Милль вообще были против применения в экономике любых оценочных суждений. Ее главную и практически исключительно познавательную цель они, как и Рикардо, усматривали в отыскива-

* Подобный взгляд отмечался и ранее (прежде всего, у физиократов), но только А. Смит предоставил ему статус всеобщей закономерности.

нии универсальных принципов функционирования экономики. Позитивная экономика (лишь ее они трактовали как науку) должна была быть формальной наукой, аксиоматической, такой, которая выводит свои утверждения из предпосылок, относящихся к элементарному хозяйственному человеческому поведению. Всяческие размышления об оценочном или постулятивном характере находятся в пространстве нормативной экономики, которая, на взгляд Н. Сениора, носила характер экономики-искусства и не относилась к сфере экономики-науки.

Стоит также подчеркнуть, что Т. Мальтус и Д. Рикардо остужали энтузиазм А. Смита, когда речь шла о возможности экономического развития в направлении лучшего мира: Т. Мальтус — через формулировку закона уменьшения доходов и недостаточность веры в возможность преодоления ловушки перенаселения, а Д. Рикардо, который значительную часть своего творчества посвятил теории роста, — через пессимистический тезис о том, что экономический “рост рано или поздно прекратится из-за дефицита природных ресурсов” [8, s. 107].

Подытоживая изложенные размышления, можно констатировать, что в первой половине XIX в. выделились две особые методологические точки зрения на сущность и познавательные цели экономики как науки. Смитовское течение утверждало, что задачами экономики являются поиск принципов и условий функционирования “хорошей экономики” и определение путей, условий и орудий, которые к ней ведут. Рикардовское течение считало, что задачи экономики заключаются в формулировке и определении правил об универсальном характере регулирующего функционирования экономики или даже шире — процессов хозяйствования. Это течение, которое дальше получило свое развитие через неоклассическую экономику, превратилось в так называемое “главное экономическое течение”, в науку, сильно математизированную, “чистую” и дедуктивную*, удаленную от каких бы то ни было попыток оценивания хозяйственной реальности и влияния на нее.

3. Марксистская экономика

К. Маркс, экономические взгляды которого вообще были очень далеки от взглядов А. Смита, все же трактует сущность и цель экономической науки так же, как и ее “отец”. К. Маркс повторял мысль Смита, что целью хозяйствования и, как результат, научно-исследовательской сферой экономической науки должен быть рост общественного благосостояния. Но, используя интеллектуальные достижения утопических социалистов, он придал этому понятию новое значение. К. Маркс не трактовал его сугубо количественным способом, а ввел дополнительный элемент, чрезвычайно важный для дальнейшего развития экономики в целом до сегодня. Он утверждал, что не только общественный продукт и его величина определяют богатство народов, но и способ его распределения. В его эпистемологии экономика должна была быть наукой как о том, каким образом произвести излишек имущества, так и о том, как его справедливо разделить.

Немного упрощая, но в полной мере сохраняя суть взглядов обоих экономистов в этой сфере, можно утверждать, что, поскольку для А. Смита качество и совершенство хозяйственной системы определялись по критерию “ВВП на душу населения”, то у Маркса появился другой, равноценный, а возможно, даже более важный, критерий — коэффициент Джини. Хорошая экономика, по мнению К. Маркса, — та, которая обеспечивает удовлетворение потребностей всех граждан на соответствующем уровне, эффективная, когда речь идет о создании имущества, и справедливая, когда речь идет о принципах его распределения.

* Ее главным достижением был так называемый “неоклассический синтез” П. Самуэльсона и Дж. Хикса.

Такие убеждения К. Маркса, а также Ф. Энгельса не случайны. Они были вдумчивыми наблюдателями и аналитиками хозяйственных систем, существовавших в развитых европейских странах в первой половине XIX в. К. Маркс и Ф. Энгельс не только смогли понять, что эти системы напоминают идеализированную картину рыночной экономики, обозначенную А. Смитом, но и заметили, что их функционирование не удовлетворяет большинство людей. Богатство, правда, возникало, но “невидимая рука” рынка действовала слабо, и благосостояние в незначительной степени (по крайней мере, в общем восприятии) распространялось среди народных масс.

К. Маркс подверг сомнению принципиальные элементы смитовской хорошей экономики и предложил (в принципе в виде интеллектуальной спекуляции) совершенно другую систему, которая полностью отрицала предыдущие каноны — свободный рынок и индивидуальное предпринимательство. Целевой моделью общественно-хозяйственной системы * (или коммунизма) было состояние вечного счастья (о котором так много говорили политики и мыслители), обеспечиваемое путем создания материального благосостояния для всех: “в высшей фазе коммунистического общества ... все источники общественного богатства польются полным потоком, ... и общество сможет написать на своем знамени: Каждый по способностям, каждому по потребностям” [11, s. 24].

У Ф. Энгельса хорошая экономика, отождествленная с коммунистической системой и предусматриваемая из перспективы грубого капитализма XIX в., представлялась как рай на земле. Ф. Энгельс писал: “Кризисы исчезают”; “крупная промышленность, лишенная притеснения частной собственности, разовьется до таких размеров, по отношению к которым ее нынешнее развитие покажется таким мизерным, как мануфактура по отношению к крупной современной промышленности”; “это развитие промышленности предоставит обществу достаточное количество продуктов для удовлетворения потребностей”; “земледелие ... получит новый размах и предоставит обществу вполне достаточное количество продуктов”; “все, что необходимо для жизни, будет производиться в таких количествах, что каждый член общества будет иметь возможность совершенно беспрепятственного развития и применения своих сил и способностей” [12, s. 22, 30, 31]. Такое видение нового устройства, в результате которого произойдут изменения в сфере экономики, а жизнь людей станет зажиточной и лишенной материальных забот, появляется также в других работах К. Маркса и Ф. Энгельса.

Марксистские концепции рая (хозяйственного) на земле были наивными, а после опыта реального социализма их можно определить как бессмысленные. Но марксистская мысль, несомненно, оставила ощутимый след в дальнейших концепциях “хорошей экономики”. С тех пор благосостояние определялось, как правило, не только накопленным имуществом, но и отсутствием чрезмерного неравенства доходов, а проблемы участия разных общественных групп в произведенном богатстве, проблемы справедливого распределения и общественной солидарности стали важными исследовательскими сферами экономики **.

* Несомненной интеллектуальной заслугой К. Маркса была трактовка экономики в более широком смысле — как общественно-хозяйственной системы.

** Современными достаточно известными и значимыми проявлениями этого вида мышления выступают работы Р. Вилкинсона и К. Пикетта [13], а также Т. Пикетти [14]. Хотя нужно заметить, что в истории экономики существует группа выдающихся мыслителей — от Дж.С. Милля до Ф. фон Хайека, для которых категория “хорошая экономика” связывается больше со свободой, чем со справедливостью. Широкие дебаты на эту тему между Дж. Ролсом и Р. Нозиком обсуждаются в том числе в [15, ч. 2, 4].

4. Кейнсианство и некоторые современные течения

Дж.М. Кейнс сделал следующий существенный шаг в направлении изменения цели, смысла и исследовательской сферы экономики. Его выдающимся достижением стало непризнание правил Ж.-Б. Сэя, общеобязательных в течение более чем 100 лет (и – что не случайно – апробированных через Д. Рикардо и целое течение пострикардовской экономики). Кейнс констатировал, что сам по себе рыночный механизм не приведет к хозяйственному равновесию и полной занятости (использованию факторов производства, которое неоклассиками трактовалось как основной элемент хорошей хозяйственной системы), а безграничная хозяйственная свобода заканчивается, о чем ранее речь уже шла, возникновением монополий, которые душат экономику и снижают эффективность ее функционирования. Эти утверждения появились не вследствие спекулятивной мысли, а стали результатом наблюдения хозяйственной реальности, которая существенно и глубоко изменилась после Первой мировой войны и в начале 1930-х годов, находясь в состоянии кризиса. И только потом они были обобщены Кейнсом в дедуктивной теории, но, по сути, опирались на прочные аксиологические элементы, то есть на представления о хорошей экономике.

Ответ Дж.М. Кейнса на смитовский вопрос о хорошей экономике как предмете и цели исследований экономической науки был новаторским и значительно расширял прежние познавательные пространства. Он считал, что существование хорошей экономики обусловлено проведением государством соответствующей эффективной хозяйственной политики, что богатство народа в принципиальном измерении зависит от образа и качества действий хозяйствующего государства. После Второй мировой войны эти взгляды нашли всеобщее одобрение среди экономистов и политиков и с тех пор стали каноном в понимании хорошей экономики. Главный пункт заинтересованности экономической науки перенесся на проблемы принципов, сферы, орудий и каналов влияния государства на экономику, а также взаимосвязи "рынок – государство".

Такая ситуация выдвинула перед экономикой новые вызовы. Хотя кейнсианские орудия влияния государства на экономику носят преимущественно экономический (денежная и фискальная политика) характер, все же при каждой попытке их широкого, эффективного использования появляются новые, мультидисциплинарные проблемы, поскольку критерии и способы принятия и реализации решений через государство – участника хозяйственных процессов нередко являются неэкономическими или не только экономическими. Кейнсианцы (по крайней мере, в первые десятилетия развития новой теории) повторяли относительно принципов функционирования государства в экономике ошибку идеализации, которую 60 лет до того сделали неоклассики относительно функционирования рыночного механизма. Государство в кейнсианской трактовке должно было быть рациональным и предусмотрительным и действовать в интересах граждан. Однако оказалось, что реальность разминулась с такой идеализированной картиной государства.

Этот пробел между идеалом и реальным имиджем государства в экономике в некоторой степени заполнили "новые институционалисты". Они не утверждали, как кейнсианцы, что государство естественно действует рациональным способом, а сосредоточивались на определении условий и факторов, которые приводят к его уязвимости. Конструктивные признаки хорошей экономики представители этого течения искали вне экономической сферы в классическом понимании. Они считали, что качество хозяйственной системы исторически и культурно обусловлено сформированными моделями экономического поведения, и утверждали, что богатыми являются народы, способные создать соответствующую институциональную структуру эконо-

мики, а следовательно, своеобразные “правила игры” и ограничения, касающиеся всех участников хозяйственной жизни (в том числе государства). Как писал Д. Норт [16, р. 3], качество (эффективность) хозяйственной системы зависит от соответствующей структуры стимулов в экономической, общественной и даже политической сферах, а те, в свою очередь, обусловлены образом действия институций, возникших в результате эволюции обществ. А поскольку институции являются сложными, мультидисциплинарными, можно сказать, творениями, то понять и описать хозяйственные системы не удастся без учета сильного компонента культурной, исторической, юридической, политической (теория публичного выбора), а также психологической (бихевиоральная (поведенческая) экономика) сфер. Согласно такой трактовке, каждая хозяйственная система существует отдельно и независимо от других, имеет собственные корни и свои ограничения, поэтому экономической науке сложно формулировать права и рекомендации универсального характера.

К понятию “хорошая экономика” обращается экономика благосостояния, которая в своих основах – как неоклассических, так и паретоанских – решительно отбрасывала любые оценочные суждения и сосредоточивалась на вопросах оптимального (наилучшего) использования запасов. Но в ее дальнейшем развитии, особенно в трактовке А. Сена, Нобелевского лауреата по экономике 1998 г., на первый план вышли конкретные проблемы хорошей экономики, связанные со справедливым распределением национального дохода, соответствующей налоговой системой и широко понятными вопросами общественного благосостояния [17]. Экономика благосостояния, как правильно пишет М. Блауг [5, с. 196], “является прежде всего той частью экономики, которая занимается этическими критериями и позволяет нам решать, какое экономическое состояние желательнее другого”.

На базе экономики благосостояния возникла теория общественных благ, начала которой приписывают П. Самуэльсону в первой половине XX в., а позднее ее существенно развили в том числе М. Олсон и Дж. Стиглиц [18]. Согласно их теории, важным и незаменимым слагаемым общественного благосостояния является доступ всех граждан к фонду имущества, производимого или обеспечиваемого непосредственно через государство. В такой трактовке государство в условиях хорошей экономики должно не только осуществлять соответствующую кейнсианскую хозяйственную политику, создать и охранять соответствующие институциональные системы, но и эффективным способом производить и справедливым способом распределять в обществе общественные блага, которые в современном мире свидетельствуют об уровне общественного благосостояния.

Стоит заметить, что публичное или квазипубличное имущество (в частности, безопасность, правосудие, образование, медицинские услуги) нередко не носит характер “классического” имущества, производимого в рамках процессов производства или обеспечения услуг, но в то же время (что не вызывает сомнений) в значительной степени влияет на благосостояние всех граждан. Предоставление государством такого имущества является ответом на ситуацию, когда категория “благосостояние” выходит за рамки сугубо материального измерения удовлетворения общественных потребностей.

5. Чем является Новый Прагматизм Гжегожа В. Колодко?

Я начну с некоторых терминологических замечаний. Колодко трактует Новый Прагматизм как “нормативное следствие” дескриптивной теории, которую определяет названием “коинцидентия теории развития” [3, с. 178]. В свете размышлений, представленных в п. 1, демаркационная линия между дескриптивной и нормативной трактовками пролегает в несколько ином месте, чем принято считать в экономике и

чем видит Гжегож В. Колодко. Следовательно, чтобы не тратить время на второстепенные по сути размышления по поводу методологического разделения обоих элементов теоретической концепции Колодко, я в целом называю их “Новым Прагматизмом”. Это не противоречит взглядам самого ее автора, который даже в заголовке своей наиболее актуальной публикации на указанную тему [3] трактует Новый Прагматизм одинаково как “экономическую” (то есть науку в дескриптивной трактовке) и как “политику” (то есть хозяйственную политику в нормативной трактовке).

На фоне таких методологически-исторических размышлений можно ответить на принципиальный вопрос: какие теоретические основания имеет Новый Прагматизм, предложенный Гжегожем В. Колодко? Наиболее общий ответ звучит так: его предложение вписывается в ряд взглядов других экономистов — начиная с А. Смита и К. Маркса и заканчивая Дж.М. Кейнсом, новыми институционалистами и представителями экономики благосостояния, которые усматривали смысл и цель экономической науки в поисках принципов и условий функционирования хорошей экономики, а не в отыскании универсальных правил хозяйствования. Новый Прагматизм можно признать ценным примером дескриптивно-телеологического подхода в экономике, который отвечает условиям широко понятной хозяйственной реальности в начале XXI в. и характерным, специфическим вызовам сегодняшнего дня.

Здесь нет места для подробного толкования концепции Гжегожа В. Колодко, элементы которой изложены (иногда достаточно хаотично) в трех томах экономической трилогии, насчитывающих в целом свыше 1200 страниц. Я сосредоточу внимание на двух ключевых, по моему мнению, вопросах, касающихся представленного анализа:

- а) взгляд на сущность и цели современной экономической науки;
- б) понимание категории “хорошая экономика”.

Рассмотрим эти вопросы.

а) Из многих заявлений и постулатов, которые формулирует Гжегож В. Колодко, предстает картина, удаленная от доминирующей сегодня модели экономики, — как в академическом видении, так и в видении “банковских экономистов”. Экономика будущего, настаивает Гжегож В. Колодко, “должна быть гетеродоксионной”, также “интердисциплинарной” и, очевидно, “прагматической”. Она будет “во все меньшей степени математизирована и формализована, а в относительно возрастающей степени будет расположена в культурном контексте”. Эта экономика должна быть “экономикой изменений, а не состояний” [3, s. 48, 52]. Новый Прагматизм является эклектическим, поскольку реальность, которую исследует экономическая наука, разнообразная, изменчивая и контекстная.

Гжегож В. Колодко в своих работах неоднократно выражает глубокое, принципиальное сопротивление трактовке экономической науки в пострикардовском духе — как чистой и дедуктивной. Он пишет на эту тему: “Меня удивляет, как экономисты в своих размышлениях избегают анализа ценности. Ведь не удастся этот мир ни понять, ни тем более изменить к лучшему, абстрагируясь от роли ценности в хозяйственной активности человека и общества” [2, s. 51]. В другом месте ученый добавляет: “Нет экономики без ценности”; “экономика — это общественная наука, которая на всех уровнях вплетается в ценности, в целую их систему. Экономика переплетается с аксиологией, со сложной системой ценностей” [3, s. 27, 28].

Особое внимание Гжегож В. Колодко уделяет вопросу цели экономической науки, добавляя к ней задачу существенно улучшить позитивное описание хозяйственной реальности. На страницах книги “Куда идет мир. Политическая экономия будущего” [3] он представляет своеобразный манифест взглядов и убеждений на эту тему: “Экономика должна служить хорошо понятному развитию и прогрессу” [3, s. 13], а

“хорошая экономика – та, которая служит прогрессу и общегражданскому делу” [3, s. 19]. Размышляя над тем, как можно определить ключевые элементы в собственном понимании экономической науки, Колодко повторяет в научном тексте, размещенном в журнале “Экономика Украины”: “Хорошая экономика – это не только описание мира, это также инструмент для его изменения к лучшему” [4, с. 14].

б) Гжегож В. Колодко не имеет никаких сомнений, что экономическая наука должна в одинаковой степени и обозначить рамки того, что ранее было определено как “хорошая экономика”, и указать пути достижения такого ее состояния. Однако ни детали этого постулируемого “лучшего из всех возможных миров”, ни способы его достижения не представлены. В контексте совокупности взглядов Колодко на экономику это кажется естественным, ведь не существует одного, универсального рецепта или волшебной палочки, которые бы принесли “богатство” всем и везде. Соответствующие решения, когда речь идет и о целевом состоянии экономики, и о способах, которые приведут к хорошей экономике, всегда зависят от контекста, всегда применяются здесь и сейчас, прежде всего в связи с разнообразием хозяйственных систем*.

Однако в рамках Нового Прагматизма я наблюдаю, по меньшей мере, два существенных, оригинальных элемента, выходящих за рамки того, каким образом категорию “хорошая экономика” воспринимали и определяли упомянутые школы экономического мышления. По мнению Гжегожа В. Колодко, эти элементы способствуют возникновению определенных условий, потенциальных шансов, которые при помощи соответствующей хозяйственной политики в каждом случае могут быть “превращены” в желаемое состояние хорошей экономики.

Во-первых, согласно Гжегожу В. Колодко, хорошая экономика – та, которая имеет способность к устойчивому развитию. Он пишет, что “проразвитие” – это важнейшая черта “хорошего характера экономики” [1, s. 310]. Но (и это важно) речь идет не о развитии в традиционном понимании, основной мерой оценки которого является прирост ВВП или производства, а об особом типе развития, названном “гармоничным общественно-хозяйственным развитием”, которое “должно быть главной целью хозяйствования” [1, s. 317]. Такое развитие должно быть “тройственно уравновешенным” – то есть в экономическом, общественном и экологическом аспектах [3, s. 161].

Концепция тройственно уравновешенного общественно-хозяйственного развития Гжегожа В. Колодко носит новаторский и оригинальный характер. При этом заметим, что формулировка “гармоничное” используется у Колодко в двух значениях. Речь идет об уравновешенности не только трех упомянутых аспектов развития, но и взаимосвязи между сегодняшним днем и будущим, которая в течение тысячелетий, с начала сознательной деятельности человека в сфере экономики, была и является принципиальной проблемой экономического выбора. В трактовке Гжегожа В. Колодко в хорошей экономике речь идет о том, чтобы при ощутимом улучшении степени удовлетворения общественных потребностей были созданы условия для экономического роста в будущем [1, s. 325].

Гжегож В. Колодко утверждает (верит (?), поскольку не предоставляет на то явных доказательств), что существует “оптимальный уклад институциональных решений, а также параметров хозяйственной политики”, который назван “золотой секвенцией” [1, s. 325] и обеспечивает гармоничное общественно-хозяйственное развитие. Золотая секвенция возникает тогда, когда динамика всех ключевых макроэкономических параметров выстраивается в последовательность от наибольшей до

* Трюизмом является, например, заявление, что хозяйственная политика в странах, где уровень ВВП на душу населения составляет 5 тыс. дол., и в странах, где он достигает 50 тыс. дол., реализуется по-разному и имеет разные цели.

наименьшей. К этим параметрам относятся инвестиции, экспорт, ВВП, индивидуальное потребление, производительность труда, бюджетные доходы, общественное потребление и, в конечном счете, расходы государственного бюджета.

Согласно Гжегожу В. Колодко, важным элементом гармоничного общественно-хозяйственного развития является постулат экономики умеренности, который означает "приспособление размеров потоков — человеческих, натуральных, финансовых и вещественных — к требованиям сохранения динамического равновесия". Он откровенно констатирует, что "хорошая экономика должна быть экономикой умеренности" [3, s. 172] *.

Во-вторых, постулируемый вид хорошей экономики тесно связывается с явлением глобализации, которое Гжегож В. Колодко правильно характеризует как чрезвычайно значимое и неотвратимое. Народные хозяйства — те довольно независимые хозяйственные системы, которые уже 200 лет были предметом исследований макроэкономики, — на наших глазах превращаются в элементы глобальной экономики. Эти элементы различаются между собой, поскольку есть, очевидно, лучшие и худшие экономики. Но каждая современная хозяйственная система, особенно в аспекте потенциального развития, зависит от состояния глобальной экономики. Качество и эффективность народного хозяйства возникают теперь из взаимосвязей "уже не только государства и рынка, а трех фундаментальных элементов хозяйствования: рынка, государства и мира" [3, s. 141]. Мысль Гжегожа В. Колодко, — если я правильно ее понял, — такова: в XXI в. глобализация обуславливает развитие каждого народного хозяйства, предоставляя ему определенные шансы или, наоборот, угрозы. Глобальные переговоры и взаимозависимости (не только экономические явления, ведь на них также может влиять, например, информационная революция) все больше формируют "правила игры" для разных хозяйственных систем. Следовательно, необходимым (хоть и недостаточным) условием существования хорошей экономики на национальном уровне — по крайней мере, в аспекте ее "про-развития" — выступает установленный глобальный порядок. А путем к нему является, между прочим, "смещение значимой — и возрастающей в будущем — сферы решения на наднациональный уровень" [3, s. 115].

Гжегож В. Колодко [1, разд. 10] подробно анализирует "ряд фундаментальных пространств — Великих Дел Будущности", которые, по его мнению, во все большей степени будут определять глобальные переговоры и взаимозависимости. Бóльшая их часть носит характер сугубо экономического, а остальные касаются вопросов, которые вроде бы удалены, но по существу очень сильно, принципиально влияют на состояние глобальной экономики и, как следствие, на возможность возникновения хорошей экономики на макроэкономическом уровне. Сознательное, рациональное обдумывание и решение тех мегапроблем современности — от темпа и пределов экономического роста до вопросов мировой безопасности — обуславливают, по мнению Колодко, дальнейший ход нашей цивилизации. Хорошая экономика может быть элементом только хорошо организованного и хорошо урегулированного мира.

6. Выводы

Вопрос А. Смита о том, что является источником богатства народов, остается стержнем экономической науки, хотя само понятие "богатство народов" в последние 250 лет, а особенно в последние годы, претерпело глубокую метаморфозу. Колодко занял свое место в группе политических мыслителей и экономистов, утверждающих, что нет одного легкого рецепта для решения всех проблем — мировых и

* Это постулат, который в последние годы становится объектом экономических размышлений [19].

глобальной экономики, что только гетерогенное, мультидисциплинарное и контекстное мышление (и действие!) могут принести позитивные результаты [18; 20]. А “богатство народов” сегодня определяется не только размером ВВП, но и одинаково также отсутствием чрезмерного расслоения в уровне жизни, ощущением безопасности, социальной сплоченностью, всеобщим доступом к основным товарам и т. п. Для преобладающего количества граждан мира необходимым условием улучшения их существующего состояния является быстрое, гармоничное и тройственно уравновешенное экономическое развитие.

Гжегож В. Колодко настоятельно подчеркивает глобальный контекст хорошего управления. Из его работ возникает убеждение, что проблемы определенных хозяйственных систем не удастся решить на традиционно понятном макроэкономическом уровне; что роль современного экономиста-интеллектуала заключается в определении глобальной взаимозависимости и экономических рисков; что ключ к хорошему народному хозяйству — это в большой степени умение использовать шансы, предоставленные глобализацией, адаптируя местные условия (нередко исторически-культурного характера) к требованиям меняющегося мира.

Что самое важное в концепции Нового Прагматизма? Сам автор, анализируя элементы своей концепции, высказывает мысль, которая идеально характеризует его убеждение: “В этом предложении — довольно безапелляционном — речь идет не о подробностях, а о направлении поисков” [3, s. 172]. Новый Прагматизм не является обычной теоретической конструкцией и не замыкается на перечне универсальных принципов и рекомендаций для хозяйственной экономической политики, которые должны привести к хорошей экономике, ведь таких принципов просто не существует. Это новаторское и побудительное предложение, которое читают в Польше и в мире *, — дать ответ на вопрос: куда идет экономическая наука в XXI в.? И именно в таком контексте его возможно и, по моему мнению, нужно критиковать и подвергать полемическим замечаниям.

Список использованной литературы

1. *Kołodko G.W.* Wędrujący świat. — Warszawa : Prószyński i S-ka, 2008.
2. *Kołodko G.W.* Świat na wyciągnięcie myśli. — Warszawa : Prószyński i S-ka, 2010.
3. *Kołodko G.W.* Dokąd zmierza świat. Ekonomia polityczna przyszłości. — Warszawa : Prószyński i S-ka, 2013.
4. *Колодко Гжегож В.* Новый Прагматизм, или экономика умеренности // Экономика Украины. — 2013. — № 11. — С. 13–28.
5. *Blaug M.* Metodologia ekonomii. — Warszawa : WN PWN, 1995.
6. *Bałtowski M., Miszewski M.* Przebobrażenia cywilizacyjne a zmiany modelu polityki gospodarczej // Ekonomista. — 2014. — № 3. — S. 433–448.
7. *Acemoglu D., Robinson J.A.* The Rise and Decline of General Laws of Capitalism // NBER Working Paper. — 2014 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.nber.org/papers/w20766.pdf>.
8. *Blaug M.* Teoria ekonomii. Ujęcie retrospektywne. — Warszawa : WN PWN, 1994.
9. *Landes D.S.* Bogactwo i nędza narodów. — Warszawa : Warszawskie Wydawnictwo Literackie Muza, 2005.
10. *Landreth H., Colander D.C.* Historia myśli ekonomicznej. — Warszawa : WN PWN, 2005.
11. *Marks K.* Krytyka Programu Gotajskiego / MED, t. 19. — Warszawa : KiW, 1972.

* Экономическая трилогия Гжегожа В. Колодко, которая была сознательным, реализованным замыслом автора, собрала до нескольких десятков тысяч читателей в Польше и много тысяч в мире. “Мир в движении” переведен сегодня на десять языков, а “Куда идет мир. Политическая экономия будущего” — на шесть.

12. *Engels F.* Zasady komunizmu. – Warszawa : KiW, 1949.
13. *Wilkinson R., Pickett K.* Duch równości. Tam gdzie panuje równość, wszystkim żyje się lepiej. – Warszawa : Wydawnictwo Czarna Owca, 2011.
14. *Piketty T.* Capital in the Twenty-First Century. – Cambridge, Mass., Harvard University Press, 2013.
15. *Sandel M.J.* Liberalism and the Limits of Justice. – Cambridge, NY : Cambridge University Press, 1998.
16. *North D.C.* Institutions, Institutional Change and Economic Performance. – Cambridge, NY : Cambridge University Press, 1990.
17. *Sen A.* Rozwój i wolność. – Poznań : Zys i S-ka, 2002.
18. *Stiglitz J.E.* Making Globalization Work. – New York, London : W.W. Norton & Company, 2006.
19. *Skidelsky R., Skidelsky E.* How Much is Enough? – London : Penguin Books, 2012.
20. *Rodrik D.* The Globalization Paradox: Democracy and the Future of the World Economy. – New York, London : W.W. Norton, 2011.

References

1. Kołodko G.W. Wędrujący świat. Warszawa, Prószyński i S-ka, 2008.
2. Kołodko G.W. Świat na Wyciągnięcie Myśli. Warszawa, Prószyński i S-ka, 2010.
3. Kołodko G.W. Dokąd Zmierz Świat. Ekonomia Polityczna Przyszłości. Warszawa, Prószyński i S-ka, 2013.
4. Kolodko Grzegorz W. *Novyi Pragmatizm, ili ekonomika umerennosti* [A New Pragmatism or the economy of moderation]. *Ekonomika Ukrainy – Economy of Ukraine*, 2013, No. 11, pp. 13–28 [in Russian].
5. Blaug M. Metodologia Ekonomii. Warszawa, PWN, 1995.
6. Bałtowski M., Miszewski M. Przeobrażenia cywilizacyjne a zmiany modelu polityki gospodarczej. *Ekonomista*, 2014, No. 3, s. 433–448.
7. Acemoglu D., Robinson J.A. The Rise and Decline of General Laws of Capitalism. NBER Working Paper, 2014, available at: <http://www.nber.org/papers/w20766.pdf>.
8. Blaug M. Teoria Ekonomii. Ujęcie Retrospektywne. Warszawa, PWN, 1994.
9. Landes D.S. Bogactwo i Nędza Narodów. Warszawa, Literackie Muza, 2005.
10. Landreth H., Colander D.C. Historia Myśli Ekonomicznej. Warszawa, PWN, 2005.
11. Marks K. Krytyka programu Gotajskiego, MED, t. 19. Warszawa, KiW, 1972.
12. Engels F. Zasady Komunizmu. Warszawa, KiW, 1949.
13. Wilkinson R., Pickett K. Duch Równości. Tam Gdzie Panuje Równość, Wszystkim Żyje Się Lepiej. Warszawa, Czarna Owca, 2011.
14. Piketty T. Capital in the Twenty-First Century. Cambridge, Mass., Harvard Univ. Press, 2013.
15. Sandel M.J. Liberalism and the Limits of Justice. Cambridge, NY, Cambridge Univ. Press, 1998.
16. North D.C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge, NY, Cambridge Univ. Press, 1990.
17. Sen A. Rozwój i Wolność. Poznań, Zys i S-ka, 2002.
18. Stiglitz J.E. Making Globalization Work. New York, London, W.W. Norton, 2006.
19. Skidelsky R., Skidelsky E. How Much is Enough? London, Penguin Books, 2012.
20. Rodrik D. The Globalization Paradox: Democracy and the Future of the World Economy. New York, London, W.W. Norton, 2011.

Статья поступила в редакцию 13 января 2016 г.